

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

С.А. Ершов, Ю.А. Пятницкий, К.Н. Юзбашян

РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

(к 90-летию со дня основания)¹

26 февраля 1895 г. в Константинополе торжественно был открыт Русский Археологический институт (далее – РАИК), который практически явился первым русским научно-учебным заведением за границей. Основной целью Института было изучение памятников древности, преимущественно византийского периода. Образование РАИК – закономерный результат развития отечественного византиноведения. Уже со второй половины XIX в. русская историческая наука обратила особое внимание на христианские памятники Востока; организуются специальные художественно-археологические экспедиции Порфирия Успенского, П.И. Севастьянова, Н.П. Кондакова, А.А. Дмитриевского; активизируют свою научную деятельность на Востоке Палестинское общество, Академия наук, русские духовные учреждения. К концу XIX в. в России сложилась школа византиноведения с собственными традициями и методами исследования. В 1894 г. вышел первый том „Византийского временника“ – журнала, с наибольшей полнотой отразившего особенности развития русского византиноведения и его необычайно широкий исследовательский диапазон. Проблемы политической и социальной истории, истории культуры, связи Византии с Востоком и Западом привлекали внимание русских ученых. Большой размах приобрело коллекционирование византийских памятников. Интенсивно велись археологические раскопки. Русская школа византиноведения очень скоро получила мировое признание. И одной из самых славных страниц отечественной науки является деятельность РАИК. Все крупные работы Института коренным образом меняли традиционное течение научной мысли. На протяжении вот уже многих десятков лет ни один серьезный исследователь не может не учитывать достижений РАИК практически во всех областях византиноведения.

Вопрос о необходимости создания Института и обсуждение его проекта затронули широкие слои русского общества, и это лишний раз подтверждает, насколько актуальным и важным было открытие РАИК. В поддержку Института выступили дипломатические круги, особенно русский посол в Константинополе А.И. Нелидов, впоследствии его первый почетный председатель.² В 1880-х гг. идея создания специального института по византиноведению на Востоке обсуждалась среди ведущих русских ученых.³ Наиболее значительную роль в составлении проекта Института сыграли профессор Новороссийского университета Н.П. Кондаков, А.И. Кирпичников, Ф.И. Успенский. В 1887 г. они разработали первый проект Института, который в течение семи лет подвергался различным переделкам, переходил из одного ведомства в другое.⁴

Так, проекты Института вызвали бурную дискуссию на VIII Археологическом съезде. В 1891 г. проекты устава и штата были отправлены на рассмотрение в Московское археологическое общество и директору Публичной библиотеки А.Ф. Бычкову. В 1892 г., после очередной переделки, они рассматривались специальной комиссией Академии наук. Только 23 мая 1894 г. Александр III утвердил устав и штат Русского Археологического института в Константинополе, и лишь еще почти через год состоялось его торжественное открытие.⁵

Уже при разработке проекта наметились основные задачи Института, которые нашли отражение в его уставе. Согласно уставу, РАИК должен был способство-

вать научным занятиям русских ученых на территории бывшей Византийской империи, руководить подготовкой присылаемых в Институт лиц, для которых читались специальные курсы по истории и культуре Византии и организовывались научные экскурсии. В соответствии с уставом „научные задачи Археологического института заключаются в исследовании монументальных памятников древности и искусства, изучении древней топографии и географии, описании древних рукописей, занятиях по эпиграфике и нумизматике, исследованиях быта и обычного права, языка и устной словесности народностей, входивших в состав Византийской империи“.⁶ РАИК имел право проводить археологические раскопки и устраивать научные экспедиции, получив от турецких властей разрешение оставлять за собой половину найденных при раскопках памятников, при условии передачи другой половины в Оттоманский музей. Для публикации отчетов о работе, протоколов заседаний и научных трудов русских и зарубежных членов создавался специальный печатный орган — „Известия РАИК“. При Институте образовывались библиотека и кабинет древностей.

В течение 20 лет своего существования в Константинополе РАИК успешно выполнял возложенные на него задачи, причем штат состоял из директора и одного, а с 1900 г. — двух ученых секретарей. Институтская библиотека очень скоро стала лучшей в Константинополе. Скромный кабинет древностей вырос в интереснейший музей, обладавший первоклассными памятниками византийского искусства. Коллекция моливдулов (свинцовых печатей) была одной из лучших в мире.⁷ Следует отметить важную особенность музея: это была не коллекция редкостей и не антикварная лавка, где скапливается все, что попадает под руку, а собрание материала, подбираемого по мере средств и возможностей для научных занятий членов Института. Заметным явлением в международной научной жизни стали 16 томов „Известий РАИК“, отличавшихся „публикованием и обработкой свежего материала“.⁸ Некоторые тома носили монографический характер и были посвящены наиболее крупным работам Института: 10-й том — раскопкам в Болгарии, 11-й — мечети Кахрие-Джами, 12-й — Серальскому Октавеку. Был подготовлен и доведен до корректуры 17-й том, но первая мировая война помешала его выходу. В этом томе, от которого сохранились лишь фрагменты корректуры, должны были выйти работа Ф.И. Шмита о мозаиках Нового монастыря на Хиосе, „каталог византийских икон“, составленный мадам Бланш, корпус греческих христианских надписей Никоса Бенса, исследование Б.А. Панченко о византийских постройках в районе константинопольского Акрополя.⁹

Важную роль сыграл РАИК в подготовке научных кадров. В стенах Института, возглавляемого крупнейшим русским византистом Ф.И. Успенским, в разные годы работали М. Погодин, Б.В. Фармаковский, Р.Х. Лепер, О.В. Вульф, Б.А. Панченко, Ф.И. Шмит, П.А. Яковенко, Н.Л. Ожунев — ученые, которые внесли значительный вклад в развитие византистики.¹⁰

Основание Института в Константинополе было далеко не случайным. Именно Константинополь был самым притягательным центром для научных исследований. Блестящая столица византийских императоров с ее прославленными храмами и дворцами, ипподромом и площадями явственно проступала в застройке турецкого Стамбула. Становилась реальной перспектива проверки средневековых описаний „Нового Рима“. Топографическое изучение Константинополя и детальное обследование наиболее прославленных памятников входили в задачи Института с момента его основания, но удалось осуществить этот обширный план лишь частично. Работать приходилось в очень сложных условиях, и перед учеными вставали порой непреодолимые препятствия. „Полиция имела предписание не допускать фотографировать или зарисовывать памятники без специального на то разрешения“, — вспоминал Ф.И. Успенский.¹¹ Особенно трудными были 1906 и 1907 гг., когда „Турецкое правительство запретило иностранцам под различными предлогами посещение почти всех мечетей, древних церквей, в том числе даже св. Софии, и члены Института не могли посетить даже исследованную Институтом Кахрие без документа и каваса“ (полицейского).¹²

Самой крупной работой Института в Константинополе и единственной, которую удалось осуществить в полном объеме, является изучение монастыря Хора. Церковь монастыря, превращенная в XV в. в мечеть Кахрие-Джами, сохранила уни-

кальные мозаики и фрески палеологовского времени, имеющие мировое значение. Институтом были сделаны точные обмеры храма, тщательно изучена его архитектура. С расчищенных и частично укрепленных мозаик художник Н. Клуге снял копии. Работы завершились выходом в 1906 г. 11-го тома „Известий“ в виде великолепного альбома рисунков и чертежей Н. Клуге, сопровождавшегося текстом ученого секретаря РАИК Ф.И. Шмита.¹³

В 1906 г. Институт приступил к изучению базилики Студийского монастыря — мечети Ибрахор. Даже недолгие трехмесячные раскопки привели к открытию замечательных произведений византийской пластики.¹⁴ В мусоре, которым еще в древности завалили подземелье базилики, был найден редкий памятник византийской перегородчатой эмали: золотой медальон с изображением апостола Иакова. Б.А. Панченко, написавший об этой находке статью, датировал медальон концом X — началом XI в. и счел его „остатком драгоценностей из ризницы или с икон Студийского монастыря“.¹⁵

В 1911 г., при проведении второй железнодорожной колеи возле вокзала Сиркенджи были открыты фундаменты стен, капители, обломки колонн, карнизы. С помощью Оттоманского музея РАИК смог зарисовать и сфотографировать находки. Обработка этого материала позволила сделать выводы о местонахождении, плане и архитектурных особенностях храма Димитрия, церкви и квартала Евгения в районе византийского Акрополя.¹⁶

В 1912 г. сильный пожар уничтожил турецкие кварталы в центре Константинополя, обнажив остатки Большого дворца. Получив разрешение от турецких властей, Институт снял план и обмерил развалины, расчистил несколько полуподземных помещений, заваленных мусором, а в июле 1914 г. сотрудники Института приступили к зондированию.¹⁷ В том же году РАИК провел археологическое обследование одного из прославленных византийских храмов — церкви Халкопратийской Богоматери. Вновь помог случай: при постройке кинематографа недалеко от св. Софии были обнаружены остатки древнего храма. Владелец позволил начать раскопки, в результате которых раскрылись апсиды храма, часть фундамента и прилегающие портики.¹⁸ Накопленный в 1900-е гг. материал дал возможность Б.А. Панченко приступить к фундаментальному труду по топографии древнего Константинополя, и остается лишь сожалеть, что рукопись этой книги, по-видимому, безвозвратно утеряна.¹⁹

С первого года своей работы Институт начал проводить регулярное обследование и учет памятников на территории бывшей Византийской империи путем археологических экспедиций и экскурсий. Балканы и Малая Азия, Трапезунд и северная Италия, Сирия и Палестина входили в круг интересов РАИК. Среди археологических работ важное место занимали раскопки в Болгарии, получившие исчерпывающее освещение в „Известиях“ Института.²⁰ Эти исследования, проводившиеся в 1899—1900 гг. близ селения Абоба и в 1905 г. в Преславе, позволили совершенно по-новому представить историю Первого болгарского царства и положили начало регулярному археологическому изучению двух болгарских столиц — Плиски (Абоба) и Преслава.

Менее освещены в литературе раскопки у села Патели в Македонии. В 1898 г. здесь при прокладке железной дороги был обнаружен некрополь бронзового века. О находке стало известно Институту, который первым оценил важность открытия в Македонии памятников так наз. Гальштатского периода и предпринял раскопки, продолжавшиеся несколько лет.²¹ В результате было вскрыто около 200 могил с разнообразным погребальным инвентарем. В отчете Института отмечалось, что „главное значение некрополя в Патели заключается в том, что он является посредником между примитивными культурами северной и средней Европы и стран Средиземноморья“.²² Таким образом, работы в Патели положили начало изучению вопроса о происхождении македонских племен. К сожалению, остались неопубликованными дневники раскопок 1898 и 1899 гг.²³ и не был введен в науку найденный в захоронениях инвентарь, поступивший в РАИК и в Оттоманский музей.

Занятия доисторической археологией Балканского полуострова, начатые раскопками в Патели, приобрели систематический характер. В 1911 г. в Институте было создано специальное отделение для изучения древностей Балкан „с целью

разрешения этнографических и культурных проблем на границе Европы и Азии".²⁴ В археологических экспедициях участвовали сербские, македонские, болгарские ученые. В 1911 и 1913 гг. велись раскопки у села Винчи, близ Белграда,²⁵ а в 1912 г. — разведочные работы в устье р. Маришы.²⁶

Широкую известность получила экспедиция 1900 г. в Сирию, связанная с приобретением и перевозкой в Россию знаменитого Пальмирского тарифа (хранящегося ныне в Эрмитаже) и обследованием монастыря Симеона Столпника.²⁷ К итогам этой экспедиции следует отнести пополнение музея Института прекрасными пальмирскими рельефами.²⁸

Одной из последних экспедиций была поездка летом 1914 г. в окрестности Брусы (Малая Азия, где РАИК обратил внимание на развалины средневековой крепости и предложил начать их археологическое исследование.²⁹

Постоянно привлекали внимание русских ученых памятники византийской монументальной живописи. В 1907 г. в базилике св. Димитрия в Фессалониках, превращенной турками в мечеть Касимиз, начался ремонт, во время которого были открыты древние византийские мозаики и фрески. Узнав об этом, Ф.И. Успенский и Н. Клуге поспешили в Фессалоники. На их глазах фрески были вновь заштукатурены, и удалось только описать их. Очистка штукатурки проводилась такими варварскими способами, что, опасаясь за судьбу мозаик, Ф.И. Успенский выпросил у турецких властей согласие на дальнейшее раскрытие мозаик под его наблюдением художником Института Н. Клуге. Благодаря усилиям РАИК в научный оборот были введены уникальные памятники византийского искусства.³⁰

Ф.И. Шмит после издания мозаик Кахрие-Джами начал обширный труд о византийских росписях XI—XII вв. Для этой работы он предпринял изучение наиболее крупных памятников, сохранивших византийский декор. Зимой 1910 г. он посетил монастырь Неа Мони на Хиосе. В храме были поставлены леса, мозаики освобождены от копоти и пыли, тщательно сфотографированы и скалькированы. Позднее был написан исследовательский текст.³¹ В 1912 г. Ф.И. Шмит обратился к мозаикам храма Успения в Никее. Под штукатуркой им были обнаружены неизвестные ранее композиции. Работы также завершились монографическим исследованием.³² Ф.И. Шмиту посчастливилось написать книгу о декоративном убранстве этого храма на основе его непосредственного тщательного изучения, поскольку храм был разрушен во время греко-турецких военных действий 1920—1922 гг. Был обследован и монастырь св. Луки в Фокиде с богатейшим мозаичным убранством. На основе стиливых особенностей мозаик и иконографических сопоставлений исследователь предложил датировать их не началом XI в., а концом XI или началом XII в. Хотя эта датировка не была принята в науке, в статье Ф.И. Шмита содержится немало ценных наблюдений.³³

К 1914 г. Институт находился в расцвете: за плечами был богатый и разнообразный опыт работы, налаженные контакты, широкий круг преданных помощников; решился вопрос об открытии отделений в Греции и на Балканах; успешно разрабатывались проблемы византийской скульптуры и монументальной живописи, сфрагистики, топографии Константинополя; вводились в научный оборот новые письменные и вещественные источники; Ф.И. Успенский готовил к печати второй и третий тома фундаментальной «Истории Византийской империи».

В 1914 г. с началом первой мировой войны нормальная деятельность РАИК была прервана. 16 октября в войну вступила Турция, и русские поданные обязаны были покинуть Стамбул. Как вспоминал впоследствии Ф.И. Успенский, он вынужден был уехать «с небольшим чемоданом, заключавшим в себе часть архива и некоторые предметы из музея».³⁴ В Россию успели переправить только инвентари, архив и некоторые фотографические коллекции, которые были размещены в Новороссийском университете.³⁵ Все имущество Института, библиотека, музей, научные материалы остались в Константинополе. Библиотека и часть музея находились в арендованном РАИК частном доме. Они были конфискованы и отправлены в Военное министерство. По настоянию итальянского посла Гаррони на все конфискованное имущество составили описи и из Военного министерства перевезли в подвалы Оттоманского музея.³⁶ Небольшая часть коллекций, включавшая наиболее интересные экспонаты, хранилась в русском посольстве, где для этого отведены были две специальные комнаты.³⁷ Об их судьбе мы узнаем

из письма Н. Клуге от 12 апреля 1923 г.: „С имуществом, хранившимся в музее Института в здании посольства, русская дипломатическая миссия (имеется в виду белоэмигрантская миссия, — Авт.) распорядилась так: все находившиеся там издания Института упакованы в ящики и вывезены из посольства. Мне неизвестно, вывезены ли уже эти ящики в Америку, куда на них был написан адрес. Наиболее ценные древности институтского музея упакованы в 36 ящиков, которые еще, кажется, из посольства не вывезены“.³⁸

С 1914 г. РАИК вынужден был перенести свою деятельность в Россию. Б.А. Панченко работал в Одессе, Ф.И. Успенский и Ф.И. Шмит — в Трапезунде и Петрограде. Знаменитая Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг., организованная Академией наук для учета, сбора и спасения памятников древности на месте военных действий, рассматривалась как естественное продолжение занятий членов Института.³⁹ Мысль о восстановлении нормального существования РАИК никогда не покидала Ф.И. Успенского. Поразительна та громадная энергия, с которой он в течение 10 лет вновь и вновь предпринимал шаги к его возрождению. Одна из таких попыток — в мае 1920 г. — привела к обратному результату: к официальному закрытию Института как учреждения и созданию Бюро по делам РАИК при Академии материальной культуры.⁴⁰ В круг задач Бюро входило выяснение научной деятельности до 1914 г.,⁴¹ разбор уцелевшей части архива, освещение работы после 1914 г., выяснение положения об имуществе и научных коллекциях, оставшихся в Стамбуле, и главная задача — возможность продолжения деятельности Института в Турции.

В 1925 г. при Академии наук СССР образуется Комиссия по вопросу о возобновлении Археологического института в Константинополе в составе академиков С.Ф. Спьденбурга, В.В. Бартольда, Ф.И. Успенского, Н.Я. Марра, И.Ю. Крачковского, С.Ф. Платонова.⁴² Комиссия выдвигает несколько проектов реорганизации Института. Обсуждался проект научно-исследовательского учреждения, состоящего из двух отделений: гуманитарного и естественнонаучных дисциплин — с базой в Константинополе и Ангоре.⁴³ Разрабатывался проект „Восточного института в Константинополе“ (по целям и задачам — прямого наследника РАИК)⁴⁴ К сожалению, ни один из предложенных проектов осуществлен не был. Более успешно был разрешен вопрос о возвращении в Россию научных материалов Института. Турецкое правительство в 1929 г. согласилось на их передачу в обмен на мусульманские рукописи, вывезенные в 1916–1917 гг. из Трапезунда. Для приема имущества был направлен ученый хранитель Пушкинского Дома М.Д. Беляев.⁴⁵ Им было обследовано здание посольства, а найденные на чердаке древности тщательно собраны, описаны и упакованы. Одновременно проходила передача материалов из Османского музея. Но его директор Халил-Бей отказался проводить ее по описям, мотивируя тем, что он сам принимал имущество без описей. Таким образом, как писал впоследствии акад. С.А. Жебелев, „приходилось принимать ту часть имущества, какую турецкое правительство находило возможным предоставить для возвращения СССР“.⁴⁶ Как и следовало ожидать, возвращено было действительно не все. Сыграло свою роль и отсутствие самого знающего и заинтересованного человека — Ф.И. Успенского, скончавшегося в 1928 г. По прибытии ящиков в Ленинград в 1930 г. и размещении их в Библиотеке Академии наук СССР была создана Комиссия по приемке и распределению научных материалов РАИК.⁴⁷ Отобранные Комиссией рукописи и книги поступили в Библиотеку Академии наук СССР и Институт истории АН СССР, а музейные предметы — в Эрмитаж, где они значительно дополнили византийское собрание.⁴⁸

Вопрос о восстановлении Археологического института в Константинополе встал еще раз в 1945 г., когда во время празднования 100-летия со дня рождения Ф.И. Успенского была создана специальная Комиссия по возобновлению РАИК в составе Б.Д. Грекова (председатель), Е.А. Косминского, С.В. Бахрушина, В.Н. Лазарева.⁴⁹ Эта попытка также не увенчалась успехом.

Деятельность РАИК была настолько обширна и разнопланова, а результаты столь значительны, что лишь в подробной монографии можно осветить все аспекты, поэтому мы невольно вынуждены были остановиться только на некоторых фактах работы этого Института, „который с честью держал русское научное знамя вне пределов России в течение 20 лет и выпустил его лишь в 1914 г., при начале великой европейской войны“.⁵⁰

Практика РАИК сыграла, по-видимому, немалую роль в деятельности или в проектировании других родственных учреждений. Так, близкую аналогию РАИК можно усмотреть в Анийском институте. В 1904 г. возобновились раскопки древнеармянской столицы Ани: городище вошло в состав Российской империи после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Руководитель раскопок Н.Я. Марр создал в Ани подлинный археологический институт со своим музеем, библиотекой, собственной серией научных публикаций. Анийский Археологический институт так и не дождался формального утверждения, но до последней археологической кампании 1917 г. действовал совершенно регулярно.⁵¹

В свою очередь и РАИК, и Анийский институт подготовили почву для появления проекта Русского Археологического института в Иерусалиме (предполагалось, что этот институт возьмет на себя часть задач Палестинского общества).

26 ноября 1914 г., когда мировая война была в разгаре, а деятельность РАИК и Палестинского общества на Ближнем Востоке прекращена, в Петербурге было созвано Совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине. Председательствовал Н.П. Кондаков, его „товарищем“ (т.е. заместителем) был Н.Я. Марр, секретарями – И.Ю. Крачковский и Я.И. Смирнов. Были приглашены ученые, так или иначе связанные с деятельностью Палестинского общества: В.В. Бартольд, Н.Н. Глубоковский, А.А. Дмитриевский, П.К. Кокочов, В.В. Латышев, П.В. Никитин, Н.Б. Покровский, М.И. Ростовцев, И.И. Соколов, Б.А. Тураев, Ф.И. Успенский, П.С. Уварова, П.А. Уварова, Б.В. Фармаковский, Г.С. Фовизин, юрисконсульт Синода М.Я. Дьяконов. Докладчиком выступил член Государственной думы Е.П. Ковалевский. Он привел известную записку П.К. Кокочова (в которой ученый в 1900 г. намечал программу археологического изучения Палестины), говорил о необходимости создания условий после окончания войны для научных изысканий на Ближнем Востоке и для охраны памятников. Выяснилось, что „кружок лиц, интересующихся делами Ближнего Востока, в сотрудничестве со специалистами по палестиноведению“ образовали специальное Совещание, которое подготовило соответствующие тезисы. По мысли докладчика, эти тезисы должны были лечь в основу требований по организации научного изучения Палестины в будущем. Тезисы предусматривали правовые условия деятельности русских учреждений в Палестине и Сирии, ведение раскопок, охрану памятников, в IV разделе ставился вопрос об организации русского научного учреждения по палестиноведению. Это учреждение должно было состоять из двух частей. В Петрограде образуется Комитет палестиноведения при Академии наук или Палестинском обществе, а „для работы на месте следует устроить в гор. Иерусалиме Институт для изучения Палестины и прилежащих стран“. В специальном приложении была подробно разработана структура Русского Археологического института в Иерусалиме, задачи которого сводились к следующему:

а) „Изучение исторических и художественных памятников Палестины и прилежащих областей, вообще всех культурно-исторических материалов вещественных, письменных и языковых греко-римских, хананейских, арамейских, еврейских, христианских (как восточных – коптских, семитических, армянских, грузинских, так и византийских и латинских) и мусульманских по подлежащим специальностям, как то доисторической археологии, библейской археологии, христианской археологии, истории искусства, эпиграфике, агиографии и т.п.; б) производство раскопок; в) охрана памятников, принадлежащих Институту; составление музея и библиотеки; д) собиране сведений, могущих облегчить изучение Палестины и е) всяческое содействие членам ученых экспедиций, снаряженных различными русскими учреждениями и обществами со специальными научными целями по палестиноведению или смежным научным областям, а также отдельным лицам, имеющим командировки“.

Штаты, порядок деятельности, организация будущего института были разработаны весьма подробно. Свой доклад и тезисы Совещания Е.П. Ковалевский издал отдельной брошюрой.⁵²

Уже из приведенных выдержек очевидно, что Русский Археологический институт в Иерусалиме проектировался по образу и подобию Константинопольского. Опытом работы последнего должен был руководствоваться Ф.И. Успенский, выступая на Совещании по поводу нового учреждения в Палестине. Следует отметить,

что еще задолго до появления проекта Археологического института в Иерусалиме Палестинское общество было связано с РАИК. По архивным документам можно выяснить, что в конце XIX в. Палестинское общество ежегодно переводило РАИК 5000 руб. „Если Институт мог организовать в 1900 г. археологическую экспедицию в Сирию, то только благодаря щедрой материальной помощи Императорского Православного Палестинского Общества”.⁵³ В то же время М.И. Ростовцев полагал, что археологическое исследование Палестины не может вестись должным образом в рамках лишь Палестинского общества. „Так как открытия на русских участках (Палестины. — Авт.) делаются постоянно, — писал он в 1912 г., — то должно быть и постоянное лицо для научного за ними наблюдения. Таким лицом, конечно, может быть только один из секретарей Константинопольского археологического института, специалист по палестиноведению и библейской археологии”.⁵⁴ Ныне же, по мысли членов Сопровождающего, в Иерусалиме должен был появиться младший брат РАИК.

Палестинское общество незамедлительно отреагировало на брошюру Е.П. Ковалевского: 9 марта 1915 г. состоялись два заседания, посвященных этому вопросу. Отклик был в общем доброжелательный, но все сошлось на том, что Археологический институт в Иерусалиме, если таковой появится после войны, должен быть в ведении Общества, Акад. В.В. Латышев, который возглавлял Отделение ученых изданий и исследований, заявил, что „разработку и осуществление научных интересов России в Святой Земле Палестинское общество берет на себя”, а руководимое им Отделение охотно привлечет „тех русских археологов и палестиноведов, которые пожелали бы работать на этом поприще”. В.В. Латышев разработал проект „Палестинского комитета” (полностью в рамках Общества, в согласии с его уставом) и проект подчиненного Комитету Археологического института в Иерусалиме. Обсуждение этих проектов растянулось на два года. В 1915 г. состоялось заседание, посвященное проекту института, на дому у Е.П. Ковалевского. Затем Академия наук избрала специальную „Комиссию по вопросу об организации русского научного учреждения для научного исследования Палестины и прилежащих стран”. В состав комиссии вошли В.И. Вернадский, Н.И. Андрусов, Н.П. Кондаков, Ф.И. Успенский, П.К. Кокцов и Н.Я. Марр. В том же 1915 г. были проведены два заседания Комиссии под председательством Непременного секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга. Третье заседание состоялось 6 февраля 1917 г., и уже 4 марта Ф.И. Успенский доложил общему собранию Академии протокол заседания Комиссии и проект положения „о Палестинском комитете” при Академии наук. Проект был утвержден, но, как известно, не реализован. Прекратило свою деятельность в Палестине и Палестинское общество.⁵⁵

Вывод напрашивается сам собой. Идея комплексного, всестороннего исследования (будь это культура Византии, культура Армении или культура Палестины и прилегающих стран) не была для отечественной науки случайностью. Она полностью реализовалась в деятельности РАИК, в деятельности Анийского института, и только внешние обстоятельства помешали ее реализации в так и не созданном Русском Археологическом институте в Иерусалиме или его другой ипостаси — Палестинском комитете при Академии наук.

П р и м е ч а н и я

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на объединенном заседании Российского палестинского общества при АН СССР, Государственного Эрмитажа, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Ленинград, 12 апреля 1985 г.).

² Успенский Ф.И. Основание Русского Археологического института в Константинополе. Приложение к протоколу III заседания ОИФ АН СССР 1926 г., к § 87, с. 15. — ААН СССР, ф. 2, оп. 1—1926, д. 34, л. 82.

³ В письме от 4 декабря 1887 г. И.И. Толстой сообщал Н.П. Кондакову: „На днях состоялось у В.И. Ламанского обсуждение вопроса об основании в Константинополе русского института“. – ААН СССР, ф. 115, оп. 2, д. 387, л. 27 об.

⁴ Подробнее см.: ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1926, д. 34, л. 82-93.

⁵ Там же, л. 88-89 об., 91 об.

⁶ Устав Русского Археологического института в Константинополе, Одесса, 1894, с. 1.

⁷ Подробный обзор коллекций музея сделан в подготовленной к изданию статье Ю.А. Пятницкого „Византийские памятники в музее РАИК“.

⁸ ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1926, д. 34, л. 93. Первый том вышел в 1896 г. в Одессе, 16-й – в 1912 г. в Софии, последний, 17-й том печатался в Константинополе.

⁹ Некоторые рукописи и фрагменты корректуры сохранились: ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 126; ф. 116, оп. 1, д. 215.

¹⁰ Личный состав Русского Археологического института в Константинополе. – Изв. РАИК, София, 1902, т. 7, с. 245-250.

¹¹ ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 148, л. 4-4 об.

¹² Там же, л. 10-10 об.

¹³ Ш м и т Ф.И. Кахрие-Джами. – Изв. РАИК, София, 1906, т. 11, с. 1-306.

¹⁴ П а н ч е н к о Б.А. 1) Докладная записка о работах по исследованию остатков Студийского монастыря в Константинополе. – ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 130, л. 1-9 об.; 2) Рельефы из базилики Студия в Константинополе. – Изв. РАИК, София, 1912, т. 16, с. 1-359.

¹⁵ П а н ч е н к о Б.А. Золотой медальон с эмалевым изображением ап. Иакова из базилики Студита. Рукопись. – ААН СССР, ф. 116, оп. 1, д. 215, л. 1-18.

¹⁶ Материалы подготовлены к печати Б.А. Панченко и Н. Клуге. Рукопись сохранилась не полностью (ААН СССР, ф. 116, оп. 1, д. 215).

¹⁷ Сохранились фотографии проводимых работ и калька с намеченными местами зондажей (ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 87; д. 162).

¹⁸ ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 136, л. 15 об.

¹⁹ У с п е н с к и й Ф.И. Конкуренция народов на Ближнем Востоке, Россия и Франция. – ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1926, д. 34, л. 39 об.

²⁰ У с п е н с к и й Ф.И. 1) О древностях в долине Абобы. – Изв. РАИК, София, 1901, т. 6, с. 437-443; 2) Раскопки в Болгарии близ деревни Абобы. – Там же, 1902, т. 7, с. 232-241; 3) О раскопках в Преславе. – Там же, 1909, т. 14, с. 323-347; Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска. – Там же, 1905, т. 10, с. 1-597; см. также: Ш к о р п и л К. Бълџки за старата българска столица Прѣславъ. – Изв. на археол. дружество въ София, 1914, № 4, с. 129-147.

²¹ ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 150, л. 1-7; д. 147, л. 1-15; М и л ю к о в П.Н. Раскопки в Македонии. – Археол. известия и заметки, М., 1899, т. 7, с. 275-277.

²² Отчет за 1899 год. – Изв. РАИК, София, 1901, т. 6, с. 476.

²³ Дневники сохранились: ААН СССР, р. IV, оп. 1, д. 805, л. 143-261; о коллекциях см. также: ф. 127, оп. 1, д. 147, л. 1-15.

²⁴ Отчет за 1911 год. – Изв. РАИК, София, 1912, т. 16, с. 367.

²⁵ К сожалению, даже в специальной монографии о раскопках в Винчи лишь вскользь упомянуто о работах РАИК (Винча у праисторији и средњем веку. Београд, 1984, с. 5-6).

²⁶ Деятельность Русского Археологического института в Константинополе в 1912 году. - Визант. временник, Пг., 1914, т. 21, вып. 1-2, с. 112-113.

²⁷ Успенский Ф.И. 1) Археологические памятники Сирии. - Изв. РАИК, София, 1902, т. 7, с. 94-212; 2) Записка о перевозке из Пальмиры в Петербург плиты с надписью. - Там же, 1909, т. 14, с. 363-371.

²⁸ Кокцов П.К. К пальмирской археологии и эпиграфике. - Изв. РАИК, София, 1908, т. 13, с. 277-302.

²⁹ Башкиров А. 1) Археологическая поездка по южному берегу Мраморного моря Русского Археологического института в Константинополе в феврале 1914 года. - Гермес, Пг., 1914, № 11-14, с. 354-362, 380-389; 2) Поездка на неизвестное городище на вершине Филадар-Даг. - Там же, 1915, № 7-10, с. 191-196, 231-239.

³⁰ Успенский Ф.И. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни. - Изв. РАИК, София, 1909, т. 14, с. 1-61; Клуге Н. Техника мозаичной работы в церкви св. Димитрия. - Там же, с. 62-67.

³¹ Работа под названием „Византийские росписи XI-XII веков. Хиосские мозаика“ должна была выйти в 17-м томе „Известий РАИК“. В ААН СССР сохранилась только часть корректурных листов (ф. 127, оп. 1, д. 126, л. 80-96); см. также: Шмит Ф.И. Хиосская старина. - Архив ЛОИА АН СССР, ф. 55, оп. 1, д. 9, л. 1-21.

³² ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 107; Шмит Ф.И. Церковь Успения в Никее. СПб., 1913, с. 3-101. Сохранился корректурный экземпляр, который находится в библиотеке Отдела Востока Гос. Эрмитажа (31.199). Позднее работа вышла на нем. яз.: Schmitt T. Die Koimesis-Kirche von Nikaia. Berlin, 1927.

³³ Шмит Ф.И. Мозаики монастыря преподобного Луки. - В кн.: Сборник Харьков. историко-филолог. об-ва (в честь проф. В.П. Бузескула). Харьков, 1913-1914, с. 318-334.

³⁴ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1920 г., д. 34, л. 4-4 об. Какие именно древности были вывезены Ф.И. Успенским, установить не удалось. Осталась неизвестной и судьба музейных предметов из благородных металлов. Из документов мы знаем, что 27 июля ученые секретари Б.А. Панченко и Н.Л. Окунев сложили в ящик все золотые монеты, предметы из золота и серебра и наиболее уникальные памятники (камеи, медальон Британика, моливдовул славян Вифинских 650 г.) и передали его на хранение в Русское посольство (ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 100-102; д. 31, л. 234.). По некоторым сведениям, в 1916 г. они находились в России, в кассе Министерства иностранных дел.

³⁵ ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 150, 155-156. Эти материалы сохранились в неприкосновенности до 1923 г., когда по распоряжению ректора часть книг и архивных дел была „продана с публичного торга на пуды“. (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1923 г., д. 50, л. 35 об.). Предпринятые Ф.И. Успенским срочные меры помогли спасти остатки архива, которые в 1926 г. были перевезены в Ленинград (ААН СССР, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 215).

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 757, оп. 1, д. 38, л. 2.

³⁷ Отчет о деятельности РАИК за 1901 г. - Изв. РАИК, София, 1903, т. 8, с. 338.

³⁸ ААН СССР, ф. 116, оп. 2, д. 164, л. 11-11 об.

³⁹ Успенский Ф.И. 1) Сообщение и отчет о командировке в Трапезунт. Второй отчет о занятиях в Трапезунте и окрестностях - Приложение к протоколам 10-12-го заседаний Отделения исторических наук и филологии Академии наук 21 сентября-26 октября 1916 г.; 2) Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. - Изв. АН, 1918, с. 207-238.

- 40 Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1920 г., д. 34, л. 1-8.
- 41 Для этого Ф.И. Успенским был составлен „Очерк об учреждении Института и первом годе его деятельности“, опубликованный на правах рукописи (см. примеч. 2 наст. работы).
- 42 ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1926, д. 34, л. 4-35.
- 43 Там же, л. 65-79, 149-154.
- 44 Там же, л. 57-63.
- 45 В ААН СССР находятся его отчеты о командировке (ф. 2, оп. 1-1929, д. 82, л. 1-4, 10-23).
- 46 Там же, л. 24.
- 47 Сохранились протоколы заседаний Комиссии (ААН СССР, ф. 158, оп. 3-1929, д. 40).
- 48 Акты вскрытия ящиков см.: ААН СССР, ф. 158, оп. 3-1931, д. 37.
- 49 Визант. временник, М., 1947, т. 1(26), хроника, с. 371.
- 50 ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1926, д. 34, л. 91 об.
- 51 Марр Н.Я. Об учреждении Анийского Археологического института. - Изв. Академии наук, 1910, с. 438-446; Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. М.; Л., 1948, с. 112 и сл.; Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964, с. 15 и сл.
- 52 Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. Докладчик Е.П. Ковалевский. Пг., 1915. В сокращенном виде доклад опубликован: Гермес, 1915, № 9-10, с. 226-230.
- 53 ЛО Института востоковедения АН СССР. Архив востоковедов, ф. 120, оп. 1, № 197, л. 24.
- 54 Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине. - Христианский Восток, 1912, 1, с. 266.
- 55 См.: ЛО Института востоковедения АН СССР. Архив востоковедов, ф. 120, оп. 3 (доп.), № 1, л. 126-142, 153-155; Изв. Академии наук, VI серия, 1917, с. 603-605.
-